

Наполни чаши золотыя!
 Измѣнять скоро дни младые,
 Измѣнить скоро намъ любовь!
 Летящій мигъ лови украдкой,—
 И Гея, Вакхъ еще съ тобой!
 Еще полна, другъ милый мой,
 Предъ нами чаша жизни сладкой... (К—ву, 1819).

Повторяемъ, что такіе заимствованные мотивы встрѣчаются весьма нерѣдко у Боратынскаго, но весьма рѣдко выдерживаетъ онъ общее легкое настроеніе и, начавъ говорить о радостяхъ жизни, о Купидонахъ и Лилетахъ, повторяя общія мѣста—

Счастливъ, кто легкою рукою
 Весной умѣлъ срывать весенніе цвѣты,

неожиданно обрываетъ стихотвореніе грустнымъ видѣніемъ:

И гдѣ же домъ утѣхъ? гдѣ чашъ веселый стукъ?
 Забыть друзьями другъ заочной,
 Исчезли радости, какъ въ вихрѣ слабый звукъ,
 Какъ блескъ зарницы полуночной.
 И я, цѣвецъ утѣхъ, теперь утрату ихъ
 Пою въ тоскѣ уединенной,
 И воды чуждыя шумятъ у ногъ моихъ,
 И брегъ невидимъ отдаленный.

И такіе неожиданные переходы отъ условнаго и трафаретнаго къ личному и субъективно-лирическому окрашиваютъ въ особый тонъ стихотворенія Боратынскаго, придающій неизъяснимую прелесть и оригинальность и граціознымъ бездѣлушкамъ поэта.

Приблизительно то же самое можно сказать и о мадригальной поэзіи Боратынскаго, о его стихотвореніяхъ на случай, популярность которыхъ зафиксирована извѣстнымъ мѣстомъ въ „Евгенія Онѣгина“:

Но вы, разрозненные томы
 Изъ библіотеки чертей!
 Великолѣпные альбомы,
 Мученье модныхъ рюмачей!
 Вы, украшенные проворно
 Толстова кистью чудотворной,
 Иль Боратынскаго перомъ,—
 Пускай сожжетъ васъ божій громъ!

Какъ эротическія стихотворенія Боратынскаго, такъ и альбомныя, мадригальныя непосредственно связаны съ французской поэзіей (а также и съ современной Боратынскому русской) и, подобно первымъ, имѣютъ склонность къ переходу въ элегическое настроеніе, въ элегію.

Элегіи составляютъ послѣдній и самый значительный отдѣлъ въ произведеніяхъ Боратынскаго; по элегіямъ можно судить объ его отношеніи къ предыдущей эпохѣ и къ современной жизни и литературѣ, и значительность этого отдѣла заключается не только въ томъ, что онъ самый многочисленный, но и въ томъ, что онъ является наиболѣе характернымъ для Боратынскаго 1819—1827 гг. Для всей читающей публики и критики Боратынскій являлся прежде всего элегикомъ, и самъ поэтъ склоненъ былъ считать себя призваннымъ къ элегіи. Насколько высоко ставились въ свое время элегіи Боратынскаго, насколько элегіи Боратынскаго были событіями въ литературной жизни 20-хъ годовъ, можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма Пушкина къ А. А. Бестужеву (отъ 12 января 1824): „Баратынскій—прелестъ и чудо; Признаніе—совершенство. Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣ“. Боратынскій обратилъ на себя вниманіе своими элегіями въ то время, когда элегія была однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ и распространенныхъ видовъ лирической поэзіи, когда элегія Жуковскаго увлекла за собою цѣлую толпу подражателей. И элегикъ-Боратынскій въ своемъ посланіи „Богдановичу“ (1824) такъ говоритъ о модной элегіи модныхъ писателей:

Въ печаль влюбилась мы. Новѣйшіе поэты
 Не улыбаются въ твореніяхъ своихъ,
 И какъ-то въ мірѣ семъ все очень не по нихъ...
 И правду безъ затѣй сказать тебѣ пора:
 Пристала къ Музамъ ихъ Нѣмецкихъ Музъ хандра.
 Жуковскій виноватъ: онъ первый между нами
 Вошелъ въ содружество съ Германскими пѣвцами
 И сталъ передавать, забывши Божій страхъ,
 Жизнехуленья ихъ въ плѣнительныхъ стихахъ.
 Прости ему Господь!—Но что же? всѣ мараки
 Ударилась потомъ въ задумчивые враки,
 У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
 Душа увянула и сердце отцвѣло.

Элегія Боратынскаго не могла потеряться среди массы „злыхъ подражателей“ Жуковскаго, такъ какъ въ противоположность послѣднимъ, элегія Боратынскаго отличалась не общими трафаретными мѣстами объ увяданіи души и сердца, такъ какъ поэтъ пѣлъ не „нѣчто, и туманну даль, и романтическія розы“ и не „поблеклый жизни цвѣтъ безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ“ въ туманныхъ стихахъ, а въ своихъ элегическихъ произведеніяхъ касался глубокихъ вопросовъ бытія, и каждая его элегія являлась какъ бы маленькой поэмой, раскрывавшей передъ читателемъ внутренній міръ скорбной души поэта. Этимъ качествомъ, а также глубокой искренностью и задушевностью, рядомъ съ художественной значительностью и печатью оригинальности, Боратынскій несомнѣнно выдѣлялся среди всѣхъ (и крупнымъ—въ томъ числѣ) элегиковъ 20-хъ годовъ и заслуживалъ тѣ лестные отзывы, какіе расточались въ его похвалу. Въ своей элегіи, въ элегическомъ тонѣ Боратынскій былъ вполне самостоятельнымъ и „не тащился по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія“, но справедливость требуетъ указать на то, что руководителями поэта и въ этомъ направленіи были тѣ же французскіе поэты (въ особенности, Лафаръ и Мильвуа) и Жуковскій, и что, прежде чѣмъ выйти на самостоятельную собственную дорогу, Боратынскій въ своихъ элегіяхъ удовлетворялся общими мѣстами и въ 19 лѣтъ говорилъ:

Гдѣ время прежнее, гдѣ прежнія мечтанья?

И живость дѣтскихъ чувствъ и сладость упованья?—

Все хладный опытъ истребилъ.

Узналъ-ли друга ты?—Болѣзни и печали

Его состарили во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ... („Къ Креницыну“.

1819)!

Или:

Простите, милые досуги

Разгульной юности моей.

Любви и радости подруги,

Простяте! вяну въ утро дней! („Прощанье“, 1819).

Но еще болѣе, чѣмъ элегическая условность свидѣтельствуетъ о связи Боратынскаго съ господствовавшими направленіями и настроеніями его времени, свидѣтельствуетъ о томъ, какое вліяніе имѣло на Боратынскаго французская поэзія конца XVIII вѣка, то удивительное усвоеніе формы и духа фран-

цузской элегии, въ силу котораго въ нѣкоторыхъ случаяхъ невозможно отличить переводныхъ элегій Боратынскаго отъ оригинальныхъ. Понятно, что по мѣрѣ все болѣе широкаго развитія творческой думы Боратынскаго, онъ все болѣе и болѣе отходилъ отъ своихъ образцовъ, но отправными пунктами его творчества были литературные образцы и вѣянія времени, вслѣдствіе чего необходимо считается съ нѣкоторою условностью произведеній поэта, принадлежавшаго своими симпатіями и образованіемъ къ классической поэзіи, и потому нельзя за Лилетами, Темирами, Алименами и воспѣваніями легкихъ радостей и оплакиваніями легкихъ печалей видѣть не только факты біографическаго характера, но порой и показателей внутренняго душевнаго міра.

Замѣтимъ также, что аналитическій складъ ума Боратынскаго питался сентенціями французской поэзіи, что и отразилось довольно значительно въ первомъ періодѣ его лирики, когда онъ убѣждаетъ „сократить желаній пылкихъ нетерпѣнье“, потому что

Мы ими счастья вредимъ
И сокращаемъ наслажденье.

Значительный отпечатокъ положилъ классицизмъ XVII вѣка не только на строеніе строфы у Боратынскаго и на широкое пользованіе миеологическими именами, но также и на самый языкъ его произведеній, въ которыхъ мы находимъ очень большое количество галлицизмовъ, какъ напр.:

Испивъ безвременно всю чашу испытаній,

Не призракъ, счастья, но счастье нужно мнѣ. („Родина“, 1821)

Въ ней, сердцемъ жадный чувствъ, умомъ познаній жадной,

И сердцу и уму я пищу находилъ. („Н. И. Гнѣдичу“, 1822)

И я люблю, тебя внимая,

Жужжанье пухъ и звукъ мечей. („Лутковскому“, 1823) и т. д.

Ты поведешь меня въ сады свои густые,

Деревьевъ и цвѣтовъ расскажешь имена. („Родина“, 1819).

Большая часть стихотвореній перваго періода написана поэтомъ въ Финляндіи, угрюмо-живописная природа которой наложила особый отпечатокъ на все творчество Боратынскаго и выразилась очень ярко въ его поэмахъ и лирическихъ стихотвореніяхъ. Природа, картины природы и мысли, внушаемыя ими, является на первомъ планѣ въ очень многихъ произведеніяхъ Боратынскаго, такъ описывающаго свое общеніе съ природой:

міромъ, что, съ одной стороны, оживляютъ мрачный пейзажъ, съ другой стороны—подчеркиваютъ „безумье мрачныхъ думъ“ на фонѣ „мрачнаго вида нагой природы“. Этимъ приѣмомъ—передачей своихъ настроеній посредствомъ картинъ природы—Боратынскій пользовался очень широко, и онъ употребленъ особенно мастерски-замѣчательно въ „Осени“ (1837 года); но и въ первомъ періодѣ литературной дѣятельности Боратынскаго проявляется рѣзко эта манера письма, что придаетъ особый, личный характеръ многочисленнымъ отраженіямъ природы въ его поэзіи.

Пушкинъ, болѣе въ шутку, чѣмъ серьезно, назвалъ Боратынскаго Гамлетомъ, но это названіе нельзя не признать весьма удачнымъ, такъ какъ поэтическія раздумья Боратынскаго по существу Гамлетовскаго характера. Поэтъ вѣчно тоскуетъ о счастьи, которое такъ же недоступно человѣку, какъ влага алчущему Танталу:

О счастьи съ младенчества тоскуя,
 Все счастьемъ бѣденъ я.
 Когда жъ и гдѣ я въ чемъ его найду я,
 О судьи бытія! („Истина“, 1823).

Желаніе счастья въ человѣка вдохнули боги, но вѣчно-блаженные и жестокіе боги не дѣлятся своимъ блаженствомъ съ земными дѣтьми Прометея и положили намъ тягостный жребій:

положенный срокъ
 Томится болѣзненной жизнью,
 Любить и лелѣять недугъ бытія
 И смерти отрадной страшиться.
 Нужды непреклонной слѣные рабы.
 Рабы самовластнаго рока!
 Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
 Случайная жизнь покоряетъ.
 Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь,
 Намъ памятно небо родное;
 Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
 Стремимся пейснымъ желаньемъ!..
 („Къ Делію“, 1821).

Такъ, уже въ первыхъ стихотвореніяхъ Боратынскаго прозвучалъ тотъ мотивъ о детерминизмѣ сильныхъ рабовъ самовластнаго рока, которымъ Провидѣніе дало на выборъ двѣ

доли: „или надежду и волненіе, иль безнадежность и покой“. И поэтъ полетѣлъ за призракомъ, манящимъ издали и внушаемымъ надеждой. но усталъ отъ безцѣльнаго пустого волненья:

Что-жъ наши подвиги! — восклицаетъ онъ въ Финляндіи—что слава нашихъ дней,
 Что наше вѣтряное племя?
 О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ;
 Для всѣхъ одинъ законъ—законъ уничтоженья,
 Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
 Обѣтованнаго забвенья! („Финляндія“, 1820).

Но поэтъ еще любитъ жизнь для жизни, хотя и предчувствуетъ безцѣльность „пустого дѣйствія“, которому насъ покоряетъ „случайная жизнь“.

Неясное желаніе заставляетъ насъ вѣчно порываться къ родному небу, чувство жизни, любовь къ жизни заставляетъ насъ выбирать надежду и волненіе, надѣяться на кажущееся возможнымъ счастье, но острый аналитическій умъ оспариваетъ всѣ прелести бытія и разрушаетъ „замыслы блестящіе и сердца пламенные сны“. Мудрость говоритъ о безнадежности и покой, и между поэтомъ, колеблющимся въ выборѣ доли, и Истиной, представшей ему, происходитъ слѣдующій разговоръ:

„Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью“,
 Вѣщала—„захочу,
 „И страстнаго—отрадному безстрастью
 „Тебя я научу.
 „Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
 „Пускай, узнавъ людей,
 „Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
 „И ближнихъ и друзей.
 „Я бытія всѣ прелести разрушу.
 „Но умъ наставлю твой;
 Я оболую суровымъ хладомъ душу.
 „Но дамъ душѣ покой“.
 Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
 И горестно въ отвѣтъ
 Промолвилъ ей: о гостя неземная!
 Печаленъ твой привѣтъ!

Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
 Послѣднихъ благъ моихъ;
 Твой миръ, увы! могилы миръ печальный
 И страшень для живыхъ!

Покинь меня, въ твоей наукѣ строгой
 И счастья не найду;
 Покинь меня; кой-какъ моею дорогой
 Одинъ я побреду.

Прости!.. иль нѣтъ: когда мое свѣтило
 Во звѣздной вышинѣ
 Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
 Забыть придется мнѣ...

Явись тогда, раскрой тогда мнѣ очи.
 Мой разумъ просвѣти,
 Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
 Безропотно сойти.

Драматическая коллизія въ душѣ поэта чувства и разума разрѣшилась (если это только можно назвать разрѣшеніемъ) мучительнымъ для поэта состояніемъ, колебаніями между истинами разума и непосредственностью чувства. въ душѣ поэта совершилось неполное разувѣренье. самое мучительное потому, что онъ не могъ отдаться власти чувства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ продолжало жить „слѣпое сожалѣніе о старинѣ“. Повидимому, въ связи съ фактами личной жизни, эта борьба чувства и разума пріобрѣтаетъ наиболее острый характеръ въ стихотвореніяхъ 1823 года, носящихъ на себѣ печать сосредоточенной мрачности. Счастья нѣтъ, или оно недоступно человѣку, жизнь предначертана, предопредѣлена Слѣпымъ рокомъ—Случаемъ, и отсюда вытекаетъ проповѣдь квиѣтизма: въ безплодныхъ поискахъ счастья поэтъ усталъ, и ему кажется, что онъ нашелъ окончаніе пути въ отдыхѣ, „похожемъ на счастье“, и онъ даетъ совѣты мудрымъ, испытавшимъ тщету утѣхъ и принявшимъ „себѣ на тягостную часть“ знанье бытія:

Гоните прочь ихъ рой прельстительный!
 (рой замысловъ и сновъ сердца)
 Такъ! доживайте жизнь въ тиши
 И берегите хладъ спасительный
 Своей бездѣйственной души.
 („Двѣ доли“. 1823).

Истинное безнадежное счастье заключается въ сердечной тишинѣ, которую нарушаютъ „ошибочныя страсти“, такъ какъ, вдавшись въ ихъ обманъ, мы просыпаемся „только для страданія, для боли тяжелой прежнихъ ранъ“, и этотъ пессимизмъ является основой многихъ элегій Боратынскаго, которому становятся чужды „всѣ обольщенья прежнихъ дней“. Но не только голосъ безстрастной Истины проповѣдуетъ квіэтизмъ,—проповѣдь квіэтизма вытекаетъ также изъ детерминизма: жизнь наша предначертана самовластнымъ рокомъ, и мы не въ силахъ измѣнить его предначертаній, и „удѣломъ нашимъ рѣшено, какъ наслаждаться намъ прилично“, а потому мы должны покориться велѣніямъ рока и воспитывать свой духъ „случайной долѣ сообразно“:

Всѣхъ благъ возможныхъ тотъ достигъ,
Кто духъ судьбы своей постигъ. („Стансы“, 1824).

И слѣдствіемъ такой предначертанности является слѣдующій идеаль „мудреца прямого“:

О человѣчествѣ судить желая здраво,
Онъ страсти подавилъ, лишая насъ
И вѣрности ума и правильности глазъ.
Въ сообщество людей вступившій безусловно,
На ихъ дурачества онъ смотритъ хладнокровно.
Не мысля, чтобъ могли кудрявыя слова
Въ нихъ свойство измѣнить и силу естества.
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единой
Осинѣ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиной;
Зачѣмъ же: будь умень—онъ вымолвить глупцу?
Покой, одинъ покой любезенъ мудрецу.
Не споря безъ толку съ чужимъ нелѣпымъ толкомъ,
Одинъ по-своему онъ мыслить тихомолкомъ...

(Г[иѣди]чу, который совѣтовалъ сочинителю
писать сатиры. 1823).

Таковъ безотрадный выводъ, который дѣлаетъ Боратынскій изъ своихъ исканій истины и счастья, но не перестаетъ искать и волноваться, и мрачный тонъ является господствующимъ, но не исключительнымъ въ творествѣ поэта 20-хъ годовъ.

И въ той же Финляндіи, въ которой поэтъ говоритъ о законѣ уничтоженія, онъ находитъ утѣшеніе въ жизни, въ

заблужденіяхъ жизни и, въ особенности въ искусствѣ, которое помогло ему не упасть душой передъ суровымъ рокомъ:

Но я, въ безвѣстности для жизни жизнь любя,
 Могу-ль себя томить гадательной тоскою?
 Пусть все разрушится, пусть все умретъ со мною:
 Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя.
 Златые призраки, златяя сновидѣнья,
 Желанья пылкія, слетитесь толпой!
 Пусть жадно буду пить обманутой душой
 Изъ чаши юности волшебства заблужденья.
 Что нужды до былыхъ иль будущихъ племенъ?
 Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами:
 Я, невнимаемый, довольно награжденъ
 За звуки звуками, а за мечты мечтами.

Грустной думой отмѣченъ весь первый періодъ лирики Боратынскаго, наиболѣе же безотрадныя ноты звучатъ въ стихотвореніяхъ 1823 года; послѣ 1823 года и, быть можетъ, въ связи съ событіями личной жизни поэта (жизнь въ Гельсінгфорсѣ, увлеченіе А. Ѳ. Закревской, надежда на выходъ изъ подневольнаго состоянія), муза поэта была настроена менѣе сосредоточенно-мрачно.

М. Л. Гофманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

